

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ПОЧЕМУ ВЫ ЛИБЕРАЛЫ

Очередной спор на страницах российской прессы

ПОЧЕМУ Я НЕ ЛИБЕРАЛ

Либералом быть легко: везде свои.

Либералом быть хорошо: он и сам за всё хорошее.

Либерал не любит мрачное, суровое, марширующее. Горн, барабан, дробь. Картечь, государеву службу, “Катюшу”. Марфушу, крестьян сиволапых, берёзки. Почву, кровь.

Во всём этом либерал задыхается.

Во всём этом ему душно, как в гробу.

Он кривляется не от злобы, а от муки: ему и правда невыносимо. Вокруг него всё время как бы настраивается оркестр, только вместо струнных и духовых – танковые дула, берёзовые полешки, строчка из Есенина, русское самодовольство, щи кипят и пахнут капустой.

Россия со всем её барахлом – куда она годна? Избы, заборы, Байконур за пограничным столбом. Привычка чесаться всеми когтями, дружить с сатрапами, тосковать по тиранам. Советская литература, попы на джипах.

В нашем скудном понимании хороший русский человек – он как дерево. Деревья не умеют ходить. Вцепились в свою землю, как мертвецы. В голове – воронье гнездо. Ждут лесника, но, кажется, приближаются браконьеры.

Либерал уверен, что наступили иные времена, и в эти времена войдут только избранные. Те, кто не потащит за собой хоругви, телеги со скарбом, почву, ворон в голове.

То есть только он – либерал – войдёт в новое время. Как бы голый. Другим он тоже предлагает раздеться: оставьте всё, пойдёмте за мной голые, без вашей сохи, атомной бомбы, имперских комплексов.

И вот ты оставил всё, пошёл голый, прикрываешь срам – двух рук мало: срам повсюду, ты сам по себе – сплошной стыд и срам. Сморгнул – и вдруг выясняется, что тебя обманули. Он-то одет, наш новый друг! Он-то вовсе не голый, но, напротив, наряжен, заряжен, поводит антеннами, настраивает локаторы, сканирует, всё сечёт.

У него – загибаем пальцы! – хартия о правах. У него – экономическая целесообразность. За ним – силы добра. У него честные глаза, неплохой английский. И даже русский лучше вашего – а вы и родным-то языком владеть не умеете, лапти. “Вот смотрите, как надо” – наш друг замысловато что-то делает языком, мы внимаем, зачарованные.

Он всего добился сам, это только мы взяли займы, отняли, украли. Это у нас история рабства, пыток, кнута, а у него, представьте, есть своё собственное прошлое, память о нём, боль. У нас – пепла, который стучит в наши сердца, – нет, а у него – есть, и его пепел более пепельный. Наш мы уже развея-

ли, а его пепел остался – и лишь о нём имеет смысл вести речь. Говорить про наш пепел – оскорбительно, в этом определённо есть что-то экстремистское.

Его история мира всегда начинается с “европейского выбора”. Пока нет “европейского выбора” – вообще никакой истории нет, одни половецкие пляски и соловецкие казни.

“Европейский выбор” – это как десерт в хорошем доме с высокими ступенями и просторной гостиной без мух. К десерту норвят дотянуться грязные крестьянские дети – руки в навозе, ногти не стрижены, загибаются, как у Бабы Яги, сопли засохли на щеках, трусов под портами нет: это мы.

Ну-ка, быстро идите оттирать сопли, причёсываться, отмывать своё национальное превосходство, “гой ты, Русь свою святую, хаты, в ризах образа”, гагаринскую улыбку, звёздочки на фюзеляже. Иначе не будет вам мороженого с ванилью и шоколадного штруделя, так и будете грязным скотом жить, как последнюю тысячу лет.

То, что для хорошего русского человека в его убогом ценностном мире “европейские ценности” стоят на сорок шестом месте, сразу после картошки в мундире и сметаны с луком, означает, что он вообще не человек.

Быть может, он рогатина. С ним можно пойти на медведя.

“...Началось, – протянет либерал, – опять про медведя. Кто вас хочет завоевать, прекратите. Кому вы нужны вообще?”

Мы никому не нужны, да. Но чего ты здесь делаешь тогда? Может, мы тебе нужны? Или, с чего-то вдруг, должны?

Ничего, что мы на “ты”?

Ты ведь с нами с первого дня на “ты”, и ничего, терпим, слушаем.

Россия построена только затем, чтоб пришёл либерал и сказал, что с ней делать. Он и правда так думает. Это как будто стоит корова, а внутри коровы живёт какое-нибудь живое существо много меньше размером, отчего-то уверенное, что оно наездник и сейчас поскачет на корове верхом.

Оно рассказывает корове, что внутри у неё сыро и неприятно, никакой цивилизации.

Либерала несколько не смущает, что в целом русская светская культура либерала не любит. Русскую светскую культуру тоже можно приватизировать, взять на вооружение то, что нужно, остальное не замечать.

Автора текста “Клеветникам России” в Facebook’е затоптали бы. Гоголя слили бы. Лескова засмеяли бы. Толстого бы с его “русским мужиком”, на которого он так хотел быть похожим, тихо обходили бы стороной: чудит.

Либералы странным образом возводят свою генеалогию к Чехову, иной раз Акунин посмотрит на себя в зеркало и видит Антона Павловича, но и представить страшно, как Антона Павловича воротило бы от нынешних его наследников.

Спасибо Чехову – он умер.

Спасибо Блоку – он умер.

Спасибо классикам – их нет.

Теперь мы точно знаем, что “Бесы” – это про большевиков, а не про либералов, и вообще Достоевского мы любим не за это (а за что?).

Либералы так уютно себя чувствуют во главе русской культуры, что в этом есть нечто завораживающее. Собрали в кучу чужие буквы, построили свою азбуку, свою мораль, своё бытие.

Теперь люди смотрят на знакомые буквы, читают, вникают – всё вроде то же самое, что у Пушкина, а смысл – противоположный. Как же так?

Попробуйте набрать из этого букваря “Клеветникам России” – получится абракадабра: “Каклемтивен Сироси”. Лекарство, что ли, такое?

...Находятся во главе, а считают, что им нет места.

Нет места, но при этом они повсюду.

Либерал сначала сказал, что он интеллигенция, а всю нелиберальную интеллигенцию объявил “свинным рылом”. Потом заявил, что он “тоже народ”. Подумал и добавил, что он и есть народ. Остальные уволены.

Либерал наверняка думает, что он – оппозиция, но он – власть. Власть может думать о себе всё, что угодно, но она тоже либерал. Одни шарлатаны делают вид, что хотят завоевать свободу, другие шарлатаны делают вид, что её отнимают. Чем заняты в этот момент их руки, никто никак не поймёт. Но если схватить за локоть либерала, выяснится, что это локоть манекена, а настоящая рука у вас в кармане.

Либералам вечно затыкают рот, но слышно только их. Если кто и затыкает кому рот, так это один либерал затыкает рот другому.

Но слышно даже, как они брезгливо молчат.

Выросло целое поколение детей, которое уверено, что Россия — это глобальный косяк. В том смысле, что она всю свою историю косячит. Хотя, в принципе, её можно и *скурить*.

Это либерал, наш любезный гуманист, сам уверен и других приучил так думать, что мы умнее всего нашего прошлого. Мы! Которые, по сути, умеем быть только мародёрами.

Отныне мы в курсе, что ветеран — это старая и глупая обезьяна в медалях, тем более что и медали — не его. Что счастья не будет, пока не вымрет “совок”, а совок — это всякий, кто не либерал. Что сто лет мы занимались всяким кровавым бредом, в то время как делом надо было заниматься, делом.

Посмотрите, как всё ладится в руках у либерала. Как у напёрсточника.

Либералы хотели вырастить нам человека, который взывает правды, а вырастили человека, который знает, что всё — ложь.

Хотели вырастить человека, который рефлексирует и сомневается, а вырастили толпу, которая куда более внушаема, чем толпа эпохи позднего тоталитаризма. А то и раннего.

Как давно и верно заметили, в те трупным ядом пропитанные времена люди говорили неправду и блажь, зная, что говорят неправду и блажь, а либерализм добился того, что ныне человек, говоря неправду и блажь, уверен, что говорит правду. Ибо он — *в тренде!*

Тренд — это вам не генеральная линия партии, это серьёзная штука, выжигает мозг, как напалм.

Уже говорил и повторю снова, что мечтал о мире, описанном в книгах ранних Стругацких. Но нас, чтоб мы не угодили в книги поздних Стругацких, увели туда, о чём никакие Стругацкие не догадывались.

В нашем новом либеральном мире нет идеализма, самоотречения и мужества — но есть ставка на субъективизм и самооценку индивида со всеми его странностями, а также мужеложество, зачем-то возведённое в идеологию сопротивления и свободы.

Вместо ставки на преодоление человеческого в себе получили право пестовать в себе всё самое скудное, низменное и подлое.

Каждый имеет право на всё, и только мрачное большинство должно заткнуться и молчать. А то ему не достанется десерта.

...Грязные, корявые дети, утритесь: ваш десерт уже съели.

Идите по своим избам.

Не слушайте чужих сказок. Вспоминайте свои.

“12” Ежедневное интернет-издание

ДМИТРИЙ ГУБИН

ПОЧЕМУ Я ЛИБЕРАЛ

Прилепин написал уже второй манифест, стремительно разлетающийся — *ретвитами, репостами, лайками* — по интернету: “Почему я не либерал”. Первым было “Письмо товарищу Сталину”.

Прилепин — человек искренний, талантливый, деятельный и тёмный. Когда в “Письме...” он, булькая, взхлёб бил тех тонконогих хлюпиков, кто топчется на великом сталинском трупе (ведь Сталин — это не только репрессии, но и метро! Атомная бомба! Мартены! Высотки! И будь манифестант начитан, он бы добавил про второе место в мире по объёмам промышленного произ-

водства. Слышите, вы, обгаживающие наше великое прошлое?!), так вот, уже тогда было понятно, что о Сталине Прилепин читал, условно говоря, только Проханова.

<...>

Прилепин сам создаёт врага, сам называет его либералом – и сам начинает с этим големом бороться.

Между тем либерализм – всего лишь идея свободы и прав отдельно взятого человека, подкреплённая знанием, в том числе историческим: слабость может быть сильнее силы, одиночка способен исторически выиграть у толпы, а часть оказаться важнее целого. Либерализм – это признание жизни отдельно взятого человека такой же ценностью, как и всё человечество. Христианство, если убрать из него религиозную догматику, – это либерализм.

<...>

По мысли Прилепина, историю страны нужно принять абсолютно – и Сталина в том числе, – потому что другого прошлого нет и другого будущего не будет, любить надо то, что есть: где родился, там и пригодился. "...Грязные, корявые дети, утритесь: ваш десерт уже съели, – кричит он на разрыв аорты, как будто и впрямь его слушатели – *гопота* из Бирюлёво. – Идите по своим измам. Не слушайте чужих сказок. Вспоминайте свои".

Он не читал Давида Самойлова, заметившего о дочери Сталина, что, не отказываясь от родства, она отказалась от отцовского наследства. И это точное решение кажущейся неразрешимой дилеммы, когда у тебя в родне – сплошь то ээки, то вертухаи, то палачи, то жертвы.

А Прилепин расценивает отказ от наследства как отказ от родства, а европеизм – как предательство. "То, что для хорошего русского человека в его убогом ценностном мире "европейские ценности" стоят на сорок шестом месте, сразу после картошки в мундире и сметаны с луком, означает, что он вообще не человек", – издевательски разъясняет идеологию либерализма (так, как он её понимает) Прилепин.

Хотя "европейские ценности", столь презируемые Прилепиным в своём манифесте, – это вообще-то права человека: право на жизнь, на свободу, на неприкосновенность жилища, на свободу слова и собраний. Я давно обратил внимание, что те, чьи права уничтожала российская власть, над кем издевалась и глумилась, – как она издевалась над самим Прилепиным или над Достоевским, – что они по отношению к своим гонителям испытывают стокгольмский синдром, превращаясь в их апологетов.

Достоевский написал после ссылки несколько великих романов, но нельзя не заметить, что их писал человек с перебитым хребтом. Мы, люди одного варианта, не думаем о том, каким писателем Достоевский мог стать, когда бы не каторга, на которую его и отправили всего лишь за список письма Белинского к Гоголю.

Прилепин – из таких же. Из сломленных. Знающих лишь одно – масса важнее части, государство важнее личности, организованные гонители – неорганизованных гонимых...

Преступление талантливого человека против интеллекта – это *соблазнение малых сих*, поскольку малые умом реагируют на яркость и чувство.

Прилепин – соблазнитель. Соблазнитель тем и соблазняет, что предлагают гордиться тем, чего следовало бы стыдиться.

Соблазнённые множатся.

<...>

Хуже нет, чем напеть шпане и погромщикам, что они – двигатели двигателей, гордость нации и соль соли земли.

Для меня бирюлёвцы – шпана. Выплёскивающая отчаяние, что ей в Бирюлёво век вековать, а Рублёвки не видать и глазом, на тех, кто инаков, но кто не сможет ответить. В городе, где я рос, шпана была любого мальчика из чужого района, а если ещё и в очках – то с особым злорадством. В деревне, куда я приезжал к бабушке летом, деревенские ходили в пионерлагерь выламывать штaketник и бить *понаехавших* городских. Из-за того, что *чистенькие*, городские.

Дело не в том, что Прилепин тоже из деревенских.

А в том, что он подстёгивает, подстрекает идти и бить.

“Огонёк”

НЕ РОК-Н-РОЛЛ

Пять лет назад на Красной площади был большой концерт в честь очередной инаугурации, выступали, как это принято на таких концертах, все; то есть я не помню полного списка выступавших там групп, а помню только “Любэ”, потому что под их песню из Спасской башни выходили, чуть ли не взявшись за руки, Путин с Медведевым, и “Машину времени”, потому что именно её поклонники на фанатском сайте устроили лидеру группы Макаревичу что-то вроде обструкции.

Писали ему, что, мол, как же ты, Андрюша, продался, как же ты прогнулся под изменчивый мир, и как же тебе вообще не стыдно быть марионеткой в ловких и натруженных руках. “Андрюша” начал огрызаться.

Линия его защиты выглядела так: группе много лет, группа была популярна ещё при Брежневе, но коммунисты сначала вообще долго не признавали право группы на существование, потом травили её в своей коммунистической прессе, потом, признав, наконец, начали нещадно эксплуатировать группу в Москонцерте: “Машина времени” собирала стадионы, зарабатывая космические деньги, но всё забирало себе государство, оставляя музыкантам нищенскую концертную ставку. Те времена давно прошли, но Макаревич помнит о них, не хочет их возвращения и поэтому искренне поддерживает нынешнюю власть, при которой он свободный музыкант, зарабатывающий хорошие деньги.

Почему в такой ситуации он не имеет права спеть на Красной площади? Это же действительно его гражданская позиция. Это, напомним, две тысячи восьмью лет. Советского Союза нет уже почти двадцать лет. Дети, которые родились в постсоветской России, уже закончили школу. Коммунисты – скучная системная партия, тихо заседающая в Госдуме и меньше всего думающая о группе “Машина времени” и о том, чтобы опять, как при Брежневе, загнать её в подполье. Я, кстати, не так чтобы совсем не верю объяснениям Макаревича – он действительно должен быть доволен своей жизнью при Путине, – и поэтому его присутствие на путинском концерте вполне логично. Я даже совсем не верю в “продался”, – думаю, гонорар на таких концертах не имеет значения вообще: позвонили и позвали; кто-нибудь другой за выступление перед Путиным на Красной площади ещё бы сам доплатил.

То есть Макаревич, оправдываясь перед поклонниками, был вполне искренен. Но эта искренность никак не отменяла того, что Макаревич в этой ситуации выглядел предельно глупо и, что более непростительно для деятеля искусства, пошло. Потому что это омерзительная пошлятина – ссылаться на тридцатилетней давности безобразия, оправдывая ими – да нет, не гражданскую позицию, Бог бы с ней! – а вот именно себя между группой “Любэ” и Димой Биланом, между ГУМом и Мавзолеем, перед толпой молодёжных активистов и собранных по разнарядке бюджетников, на сцене, охраняемой автоматчиками ФСО.

То есть всё каждой деталью, каждым штрихом, каждой нотой орёт: это не рок-н-ролл. Вот это важно, а не гражданская позиция. Я рассказываю сейчас эту историю, надеясь на то, что меня прочтает Захар Прилепин и узнает в Макаревиче-2008 себя сегодняшнего – того Захара, который зачем-то воюет с либералами, как если бы сейчас на дворе был одна тысяча девятьсот девяносто второй год. Представьте, что вот тогда, когда в Кремле сидел Ельцин, в мэрии – Гавриил Попов, в Лужниках расположился вещевой рынок, в телевизоре – Сергей Адамович Ковалев, на Красной площади – реклама кока-колы, в Олимпийском – Сёко Асахара, в школе – половое воспитание и “Лолита” Набокова, ну, и так далее (нужное вписать!), – вот если бы Захар Прилепин начал свою войну с либералами тогда, им можно было бы только восхититься!

Но в 1992 году Захар заканчивал среднюю школу и даже если вёл какую-то войну с либералами, то мы о ней ничего не знаем. Зато знаем, что он ведёт её сейчас, в две тысячи тринадцатом, когда от либералов осталось пол-

торы газеты и тысяча человек в Facebook'е. Захар, это круто – переспорить сейчас Шендеровича, сразить наповал аргументом Рыклина, высмеять Альбац? Нам жить с Путиным до твоих сорока девяти и до моих сорока четырёх – какие либералы? какие избы? какой там Байконур? Одна история удивительнее другой, ей-Богу. Не будь Макаревичем, Захар, зачем нам два Макаревича?
<...>

“12” Ежедневное интернет-издание

ИЛЬЯ МИЛЬШТЕЙН

РУСОФОБИЯ

У каждого амбициозного писателя – свои, глубоко выстраданные убеждения. Свой сад, который он возделывает, чтобы закопать в нём врагов. Короче, свои тараканы в голове.

Так, Эдуард Лимонов сживает со свету Алексея Навального. Дмитрий, допустим, Быков ностальгирует по советской власти. Александр Проханов занят мистическим скрещиванием славянофильства со сталинизмом.

Захар Прилепин разоблачает либералов. И надо отдать ему должное: разоблачает красиво.

Читаешь – прямо дух захватывает.

“Он всего добился сам, это только мы взяли взаймы, отняли, украли. Это у нас история рабства, пыток, кнута, а у него, представьте, есть своё собственное прошлое, память о нём, боль. У нас пепла, который стучит в наши сердца, – нет, а у него есть, и его пепел более пепельный. Наш мы уже развеяли, а его пепел остался – и лишь о нём имеет смысл вести речь. Говорить про наш пепел – оскорбительно, в этом определённо есть что-то экстремистское”.

“Он” – это либерал. Высокомерный, всезнающий, склонный к “европейскому выбору” и “мародёрству”, предводитель и растлитель *малых сих*. А “мы” – это народ, от имени которого говорит Прилепин, косоватый такой народишко. “Руки в навозе, ногти не стрижены... сопли засохли на щеках, трусов под портами нет <...> грязные, корявые дети...” Вдобавок либералы украли у них (у детей!) все русские буквы, “собрали в кучу... построили свою азбуку, свою мораль, своё бытие”. И Пушкина им подменили, и Блока, и Чехова, и Достоевского.

И вышло так, что малый несчастный многосотмиллионный народец стонет под пятой немногочисленной, но злобной и непобедимой *зондеркоманды* либералов. А если уж до конца договаривать, то известно, из каких песков зыбучих израильских вышла эта команда, и в других текстах Захар Прилепин, не чинясь, имена и явки либералов называет. А здесь, значит, только намёком, про пепел Холокоста и пепел ГУЛага: у либералов есть память о прошлом и боль, а русским вспоминать и плакать не разрешают. Кто не разрешает? Да известно кто!

У каждого национально ориентированного писателя своя драма и свой путь, и если не предаваться эмоциям, вчитываясь в новый текст Прилепина, то легко постигаешь его внутреннюю логику. Это закономерный, хотя и редкий в литературе путь превращения автора в собственного персонажа. Как если бы, не поумнев, но научившись писать публицистические статьи, заговорил Санька – один из самых известных героев ранней прозы Захара Прилепина. Или, если уж высказываться с предельной точностью, даром публициста овладел герой Зоценко – во всей силе его плаксивого агрессивного невежества и внушённого советского патриотизма.

Причём литература здесь на первом месте, а убожество – лишь на втором, хотя это тоже важная составляющая текста. И когда автор год с лишним назад писал своё прогремевшее “Письмо товарищу Сталину”, в котором ут-

верждал, будто тот “положил в семь слоёв русских людей, чтоб спасти жизнь” либеральному семени, уже можно было догадаться, что этот тренд станет основным. Что прозаик ещё добавит немало ярких мазков к портрету либерала и, вжившись в образ, сообщит публике, будто идеальное будущее для врага-плюралиста – это “чтобы сдохли” русские рабочие и крестьяне. Он ещё и Путина назовёт “вполне себе либералом и рыночником”, чтобы, не вдаваясь в подробности, побольней засадить в рыло ненавистным демократам. Во всём этом, говорю я, была своя железная внутренняя логика, ибо если тов. Сталин уничтожал русских, чтобы спасти космополитов (хотя почему-то решил довершить дело Гитлера вскоре после окончания войны!), то Путин – несомненный либерал.

Олег Кашин увещевает писателя: мол, стоит ли сегодня, Захар, мочить в сортире этих малоприятных людей, когда от них “осталось полторы газеты и тысяча человек в Facebook’e”, но, полагаю, он старается зря, и Прилепин останется безутешен. Речь ведь не о том, что автор “Патологий” глубоко изучил тему или хоть на школьном уровне постиг значение слова “либерализм”. Просто он настолько вжился в роль своего персонажа и настолько её затвердил, что глух к доводам рассудка. Поэтому ищет, находит и казнит врагов с той интенсивностью, которую диктует темперамент.

<...>

“Сноб”

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ПОРА ВЗРОСЛЕТЬ, КОЛЛЕГИ

Сразу к делу, без лирики.

Как мы уже говорили, один из вариантов развития событий – постепенное видоизменение российской политической системы в подобие американской.

Самая демократическая демократия в мире, как мы знаем, выглядит, мягко говоря, очень просто, даже проще, чем российский Парламент.

Там есть республиканцы и есть демократы – две либеральные партии, которые сражаются за власть. Гипотетически всегда можно проголосовать за “третью партию”, но политическая система построена так, что эта “третья партия” никогда не появится на вершине власти.

Российская власть и её руководящая партия (допустим, “Единая Россия”, хотя может на этом месте появиться и что-то другое, но того же толка) постепенно начнёт трансформироваться в подобие республиканской партии.

Так называемая “болотная оппозиция” вкупе, например, с движением Михаила Прохорова уже сейчас по факту занимает место “демократов” – только не оформленное должным образом.

Почему не оформленное? Потому что, видимо, пока сложно достичь договорённости по некоторым пунктам.

И первые, и вторые схожи в одном: основой существования России по-прежнему должна быть “рыночная экономика”. Аристократией такого типа экономики является российская буржуазия.

Именно взгляд на буржуазию объединяет и власть, и оппозицию: вспомним того же Прохорова (и его сестру). С одной стороны, деятельность Прохоровых периодически является центром притяжения либеральной интеллигенции, с другой – сам Прохоров легко вписывается в государственный управленческий аппарат.

Дальше начинаются частности.

Так как первой группировке (республиканским *единороссам*) необходимо удерживать власть, они вынуждены позволять себе риторические фигуры, не совместимые со званием истинного демократа и либерала. Отсюда их нанос-

ное, PR-технологическое славянофильство, советский гимн и прочие, вове-
мя (к выборам) поставляемые развлечения для бедных.

Участники этой группировки позволяют себе милитаристскую риторику (в целом характерную для американских республиканцев), умеренно нацио-
налистическую риторику (втайне не чуждую американским республиканцам) и, к примеру, нежелание идти на поводу у ЛГБТ-сообщества (этим республи-
канцы тоже отличались до недавнего времени, пока их окончательно не побе-
дили и не запугали демократы).

“Республиканские *единороссы*” самой логикой событий будут вынуждены
пойти на некоторые либеральные уступки: они всё больше нуждаются в леги-
тимности внутри западных политических и финансовых систем, в которые, по
сути, вписаны, так и в среде креативной российской интеллигенции.

Идеально в этом смысле может сложиться ситуация, если “республикан-
ские *единороссы*”, предварительно оговорив условия с “болотными демокра-
тами”, временно проиграют им власть.

Демократы, едва возьмут власть, быстро забудут о свойственных им ра-
нее издержках либерализма. Власть — дело серьёзное, и кому бы она ни до-
сталась — Михаилу Прохорову или **Леониду Парфёнову**, коллективному “Эху
Москвы” или очередному Союзу правых сил, — мы достаточно быстро убе-
димся в том, что их модель управления тоже предполагает наличие нелибе-
ральных методов, включая лёгкое принуждение и применение спецсредств в
случае возможных погромов. И даже, Боже мой, коррупционные схемы! Мы,
конечно, никогда не поверим, что **Владимир Рыжков** или какой-то там **Алик
Кох** способны так же пользоваться общенародным достоянием в корыстных
целях, как нынешние “опытные управленцы”, но... всякое бывает.

И тут они, две эти либеральные партии, наконец, сольются до степени
полного смешения.

Сегодня же они видят себя на противоположных полюсах.

Мало того: убедили в своём непримиримом противостоянии огромные
массы населения.

Их вовсе не смущает, что одни и те же персонажи переходят из оппози-
ции во власть и обратно.

Их не смущает, что их экономические воззрения идентичны.

Просто одни несут ответственность за власть (хотя предпочли бы пользо-
ваться властью без излишнего внимания посторонних), а другие не несут ни-
какой ответственности.

С российским либералом, как вы могли бы заметить, невозможно спо-
рить — он действительно ни за что не отвечает, кроме чистоты своих манжет.

Любой человек, скажем, “левых” взглядов отвечает одновременно за Се-
верную Корею, **Фиделя**, **Сталина**, насильственное переселение народов,
хрущёвскую кукурузу, **Брежнева**, застой, **Пол Пота** и **Ленина** с харьковским
ЧК. Хотя, казалось бы, что общего между Брежневым и Пол Потом?

Либерал же так устроен, что отвечает исключительно за “небесный”,
“идеальный” либерализм, который, как известно, озабочен исключительно
свободой личности. А за приватизацию, кромешное социальное расслоение,
Егора Гайдара, расстрел Парламента, Ельцина, многолетнюю войну в Чечне,
дефолт, отрицательный демографический дисбаланс, избавивший нас от
двадцати миллионов не родившихся в последние десятилетия россиян, за
бомжей и беспризорников, офшоры, **Собчака** и дочку Собчака, и любимого
ученика Собчака — либерал не отвечает.

“Нет! — восклицает он. — Я тут ни при чём!”

То есть, ещё раз повторю: “левым” всегда подсунут Пол Пота, и они за-
ткнутся, обескураженные, но ни одна либеральная... голова и не подумает
объяснить, отчего в Африке либерализм периодически не противоречит людо-
едству.

“Потому что это не либерализм”, — скажет он.

“Ну, так и Пол Пот — не коммунизм, — ответите вы, — и к харьковскому
ЧК социализм тоже, по сути, не имеет отношения”, — но тут либерал, конеч-
но же, отмахнётся.

У либерала на всё готовы уморительные доводы. К примеру, нам говорят,
что получившееся в России в последние 20 лет — не либерализм, потому что
именно *бывшая партноменклатура всем занималась*. А кто *всем этим* должен
был заниматься? Марсиане? Вся страна до начала “демократизации” состоя-

ла в партии, в комсомолии, в пионерии – другим людям просто было неоткуда взяться. Тем более что **Путин, Медведев** и вся их команда ни к какой номенклатуре не принадлежали, а если кто и принадлежал – так это Ельцин, которому либеральная общественность поставила памятник.

Но нет, 25 лет прошло с тех пор, как мы живём при “рынке”, а, согласно либералам, нам всё Советский Союз палки в колёса вставляет!

Давайте тогда спишем 37-й год на царский режим... Большевики учились в царских школах, заправлял всем недоучившийся семинарист, а **Андрей Януарьевич Вышинский** до Октябрьской революции едва не посадил **Ленина**; Красную армию и заодно все остальные “силовые структуры” создали военспецы из “бывших”, к массовым репрессиям призывали опять же бывшие белогвардейцы **Валентин Катаев, Виктор Шкловский, Леонид Леонов, Всеволод Иванов и Евгений Шварц...**

Скажите, что это бред? Ещё какой! Но почему тогда ваш бред нужно выслушивать на полном серьёзе?

Пора взрослеть и брать на себя ответственность за результат своих действий, коллеги.

Понятно, что идеальный либерализм – “за всё хорошее”, но ведь и идеальный коммунизм стремится к исключительно добрым и полезным делам!

Только что был на программе одного либерального ведущего, который спрашивал с меня, как с нацбола, за разрушение церквей в советские времена, – хотя основатели национал-большевистской идеологии были поголовно расстреляны в 30-е годы и к разрушению церквей не имели не малейшего отношения, не говоря уже об их последователях в лице лимоновской партии.

Но я, как ни странно, отвечаю, я несу ответственность за всё: за коллективизацию, за смерть **Мандельштама**, за убийство **Флоренского**, за штрафбаты и заградотряды.

Зато в среде оппонентов мы видим людей, которые занимали ключевые позиции в государстве, обеспечивали её идеологию, строили глобальный рынок, – и всё равно делают вид, что они вообще не при делах.

Вот три богатыря российского либерализма: **Немцов, Чубайс и Кириенко**. Кто-то знает о существовании кардинальных отличий в их взглядах? Едва ли. Отличие их друг от друга состоит только в том, что первый – в оппозиции, а остальные встроены в государственную машину и адекватно себя чувствуют в ней.

То, что часть либеральных деятелей выступает в качестве оппозиционеров, означает одно: в принципе принимая порядок вещей (капиталистический рынок, финансовая свобода), они желают изменить отдельные частности (больше других либеральных свобод, вертикальная мобильность, уничтожение отдельных коррупционных схем).

Оппозиция левого толка должна отрицать нынешний порядок вещей, утверждая, что необходимы изменения кардинальные: смена политического курса, отмена итогов приватизации, изменение налоговой системы, национализация крупнейших объектов хозяйства, ставка на государственность, преодолевающую ложные либеральные постулаты о человеке, который “ничего никому не должен”, ну, и так далее, то есть банки, оборонка, космические программы, образование, наука – всё должно работать на совсем других основаниях.

Тут приезжал мой хороший знакомый из Польши и очень удивился, когда слушал моё выступление, где я говорил о либеральных реформах в образовании и здравоохранении, а публика роптала: мол, какой это либерализм?!

“У вас что, – спросил мой товарищ, – никто не понимает, что Путин делает ровно то, что делают, например, в Польше? Это и есть либеральные реформы!”

Но у нас всё с ног на голову становится!

Другой мой замечательный знакомый из либеральной газеты “МК” воскликнул недавно, что в Турции вводят бесплатное образование, а Россия на всех парах летит к платному – и ему удивительным образом кажется, что это не либерально.

Что ж такое с вами творится, друзья!

Бесплатное образование и прочий *бесплатный сыр в мышеловке* – это шаг назад, в *проклятое советское прошлое*. Мы же хотим двигаться вперёд? Хотим. Тогда – вперёд!

Всё, что произошло, например, в сфере сельского хозяйства — это и есть последствия либеральных реформ. Мы живём в рынке, рынок едет по нам: всё, как и было задумано. Вся наша нынешняя жизнь — это результат удавшихся или не удавшихся (а кто сказал, что они должны всегда удаваться?) либеральных реформ.

Допустите скорей демократов к власти — они доведут эти реформы до необходимой кондиции!

Потом нам надоеет власть демократов, и мы выберем республиканцев. Республиканцы продолжат заниматься тем же, но немного по-своему. Получится, впрочем, примерно то же самое. И мы их, естественно, переизберём, и снова выберем демократов. А потом ещё раз республиканцев...

И всё это будет продолжаться до того момента, пока не развалится страна.

Тогда либералы обеих мастей отойдут в сторону, и когда осядет пыль, уверенно скажут: “Мы тут ни при чём! Это — они!”

И покажут на нас, дорогие сограждане.

“Свободная Пресса”

ГЕРМАН САДУЛАЕВ

ВЛАСТЬ ПОБЕЖДЁННЫХ

Я ждал этого времени, и вот это время пришло. Я готовился к нему с самого детства. Сделав домашние задания, я тотчас брался за синий том суровой критики новой западной философии с точки зрения марксизма-ленинизма (других источников не было) и пытался из негативного обзора получить представление о Франкфуртской школе. Я видел: советский социализм дышит прерывисто, утомленно прикрывая глаза. А вурдалаки топчутся вокруг, и вороны в небе кружат, и круги их всё уже, уже... И вот уже скоро, скоро... Грядёт битва. Надо вооружаться. И когда на домашней ферме я чистил от навоза коровник, то думал о том, как буду очищать авгиевы конюшни застарелого догматизма. И когда боксировал в ДЮСШ, то готовил себя к схваткам на ринге чистого интеллекта. Окончив школу, я собрал в старый чемодан кирпичи своих книг и поехал в город трёх революций, чтобы дальше учиться и в назначенный срок принять участие в последней битве Добра со Злом.

А потом как-то странно получилось: никакого сражения не случилось — враг на ристалище не явился. Он просто отменил все турниры и объявил себя победителем. Зрителям показали: видите, джинсы и колбаса! Какие ещё вам нужны аргументы? И все признали единого всемогущего бога-благора, и пали перед ним на колени. А когда оказалось, что джинскоколбаса была фатаморганой, оставалось лишь жить на мёрзлой картошке и удивляться, но ничего уже изменить было нельзя.

Идеологию отменили. Сказали: “Не надо никаких идеологий, надо просто жить, естественно, в природе, как звери, по закону джунглей, а если что-то пойдёт не так, то у нашего бога-благора есть волшебная рука рынка, которой он всё исправит и всё устроит: накажет бесполезных и наградит эффективных”. И если кто-то начинал что-то спрашивать или объяснять, то все делали покерфейсы и потом говорили: “Так это же идеология! Не надо нам никаких идеологий! Были у нас идеологии, все эти ваши фашизмы и коммунизмы, и вот к чему они привели! Нет уж, хватит с нас идеологий! Мы будем просто жить!”

А я думал: “Вы будете жить, а я? Дельфин будет жить, а я умру. Что я буду делать, если я рождён для идей? Как мне выполнить свою миссию?” Ведь каждый должен выполнять свой долг. Лучше несовершенным образом следовать предписанной тебе дхарме, чем пытаться совершенным образом выполнить дхарму другого, ибо следовать по чужому пути опасно. И бесполезно.

Но пусто было и темно. В мире ценились только клоуны и эстеты, и спор шёл только между клоунствующими эстетками и эстетствующими клоунами о том, как лучше сделать читателю *интересенько*. Но не грузить, ради Бога, только не грузить. А что, если я грузчик? Гуру значит 'тяжёлый', значит — 'с грузом'. Я рождён грузить. Что я мог? Злился, как идол металлический среди фарфоровых игрушек.

Были и другие такие же. Они жили под землёй: в газете "Завтра", в газете "Правда", в журнале "Москва" и прочих подземных коммуникациях. Иногда они вылезали на свет, а там неоновая реклама, вывески, виски и вискас, *все дела*, и глаза суживались, слепли. Им говорили: "С чем пришли? А, опять идеология! Идите под землю. Не нужна ваша идеология, и никакая идеология не нужна. Хватит, как говорится, болтать! Пора дело делать". Дело. Бизнес, если по-современному. И они закапывались и рыли. Каждый рыл свои ходы, и я тоже что-то куда-то рыл.

В сорок лет я закончил рыть — вылез где-то в пустыне. Как-то так получилось, что нас всех выпустили. Мы увидели, что земля выжжена. Церкви, библиотеки, дома культуры — всё в золе. И мы поняли, что если мы хотим, чтобы было куда вернуться, пора вернуть эту землю себе. И принялись за работу. Мы стали строить. Настало весёлое время.

Право, мне нравится наше время! Жаль только, что упущено так много лет. Мне уже сорок. Нет юношеского задора. Поздно, волосы все седые, а война — дело молодых. И мы плачем, но радуемся и поднимаем выше стропила.

Стало понятно не только нам, что это самое "не надо больше никаких идеологий" и есть идеология, причём самая жёсткая и тоталитарная. Но очень тупая. Она не могла выдержать соревнования ни с какой иной системой мысли, потому что сама она дуриная и злая, и схитрила, зачистила поле лживым кличем: "Долой идеологию!" А когда попросили чемпионский титул подтвердить, оказалось, что у либерализма (а это был он!) нет приличных поединщиков. Выходит левый интеллектуал в среднем весе Максим Кантор, против него выставляют либерального тяжеловеса Дмитрия Быкова, но вместо схватки получается избивание младенца, и левым даже как-то неудобно смотреть, потому что они гуманисты, да и сам Кантор понимает, бьёт в четверть силы, и после первого раунда бой можно заканчивать ввиду явного преимущества...

Как только либералы согласились на открытую битву с левыми, правыми, националистами, монархистами и с кем угодно, хоть с толкиенистами, они сразу же, в этот самый момент проиграли всем, даже и особенно толкиенистам. Потому что "не-идеология" либералов с их *идеями*, что в мире правят естественные законы конкуренции и эффективности, сама по себе абсолютно неконкурентна в идейном поле и неэффективна в социальной инженерии, и только силой государства и властью денег могла присваивать себе золотые медали и удерживать пьедестал.

Наш милый Егор Холмогоров диктует в штаб победную реляцию: либеральное западничество как идейная сила разгромлено, в идеологическом поле его можно не принимать в расчёт. Враг бежал, побросав пушки и танки. Поэтому Холмогоров полемизирует с Егором Просвирниным, упрекая его в имперском уклоне национализма за то, что Просвирнин обвинил Холмогорова в этноромантическом уклоне того же национализма. А Валерий Коровин отстаивает евразийство, прежде всего, от нападков националистического редуccionизма. А Герман Садулаев, жонглируя гуннами и вестготами, провозглашает имперский национализм в пику как этническому национализму, так и национал-имперцам (о, эта тонкая, но важная разница!), но и с евразийством не соглашаясь. Вот так у нас на "12" всё чудненько!

И в других приличных обществах тоже. Левые, правые, националисты, имперцы и толкиенисты спорят друг с другом и внутри себя, уточняя некоторые важные детали дискурса, искореняют ереси (среди толкиенистов появилась теория, что раз орки раньше были эльфами, то эльфы подлежат уничтожению как потенциальные орки: боевое крыло секты проводит зачистки среди остроухих). А если какой-то идеолог высказет сомнительное положение, то ему говорят: "Э, батенька, да вы либерал!" "Кто либерал? Где либерал?" — пугается идеолог и пытается оправдаться, и показывает вытатуированного на своей груди Сталина, и Достоевского из-за пазухи достаёт, но тщетно — сомнение посеяно!

И только Захар Прилепин продолжает сражаться с либералами. Мало ему было письма вождю! Теперь он рассказывает, почему он не либерал. Звучит несколько странно в изменившихся обстоятельствах. И ему от имени всех отвечает Олег Кашин, который раньше был тоже вроде как либералом, но теперь скорее националист или что-то вроде. Он говорит Прилепину, что не надо бить либералов. Какие теперь либералы? Жалкие, ничтожные люди!.. Вот раньше были титаны! Раньше даже сам Кашин был либералом. Тогда сражаться с либералами было почётно. А теперь вроде как неприлично. Как смеяться над болезненными инвалидами. Как добивать раненых. Обругать либерала – всё равно, что ударить слабую женщину. Некрасиво. *Не рок-н-ролл!*..

Третьего дня мы были у Захара Прилепина в деревне. Не просто так, а чтобы провести идеологический диспут. Нас собралось у него 12. И были среди нас большевики и националисты, и консерватор, и социалист, и либералы были в лице двух с половиной человек. Мы все, конечно, убедительно победили. Каждый победил всех остальных, а все вместе расправились с либералами и растворили труп либерализма в кислоте сарказма (ни один либерал физически не пострадал, если что...). В бане я, помнится, говорил что-то похожее на позже прочитанное у Холмогорова: либерализм повержен и в силовом поле идей сведён к величине арифметической погрешности. Его можно не принимать во внимание, рассчитывая взаимное напряжение действующих идеологий. И было так хорошо: баня, веники, минералка, свежий воздух... И ощущение победы.

А потом я летел обратно в Питер через Москву двумя бортами “Аэрофлота”. И каждый раз мне предлагали почитать свежую прессу – её развозили на тележке с колёсиками. И пресса вся была... такой ориентации... такого направления... которое повержено. Побеждено. Но ему, видимо, об этом не сообщили. Оно и не знает об этом. И живёт себе, как раньше, не подозревая, что уже *закатано в асфальт и размазано по стенке*. И сверкает гляncем и прочим. А наших на той тележке нет.

Я увидел какой-то новый журнал, называется “Дилетант” – что-то про историю. Историю я люблю, взял почитать. И – о, Господи! Название, конечно, правильное. Либерал – он ведь всегда дилетант. Его каким доводом ни припрещь, он отвечает: “Ну, я в этом не специалист, но моё убеждение такое, а подтвердят вам специалисты, наверняка у них есть данные. Я ведь не историк (не экономист, не юрист, не геодезист, не таксидермист и так далее). Просто либерал”. А либерал, он, как женщина, всегда прав. А если либерал не прав, то надо перед ним извиниться.

В этом журнале я прочитал такое – такое прочитал! Это *адъ*. Нашим парням из “12” читать не стоит. Может не выдержать истощённая в подземельях психика. Какие теории! Какие авторы! Достаточно того, что про Наполеона III рассказывает В. И. Новодворская. Или как-то так. Может, я путаю. Я ведь осторожно читал – боялся заразиться, держал за кончики листов, пробежал по диагонали, и не прямо смотрел на текст, а через зеркало, хоть и трудно отражённые буквы узнавать, зато безопаснее: живее будешь!

Закончив просмотр, я извёлся от журнала и продолжал читать биографию Жданова. Успокаивал себя: “Да ну, это ничего не доказывает. Просто, может, в руководстве “Аэрофлота” окопались полутрупы...” Но потом подумал внимательно и опечалился.

Мы, конечно, победили. Просто это ещё не так заметно. Совсем не заметно, честно говоря. И в главных журналах – либералы. И в *зомбоящике* – либералы. И самые посещаемые интернет-ресурсы контролируют либералы. И социальные сети – сплошь либеральные, а если ты что-нибудь нелиберальное там делаешь, то *мордокнига* тебя блокирует, потому что либерализм в том и состоит, что свободно высказываться можно только в либеральном ключе, а если ты в нелиберальном ключе высказываешься свободно, то тебя репрессируют.

А главное, у власти до сих пор – только одни либералы. Никого другого нет, даже для смеха. Все министры – либералы. Судьи – либералы. Подавляющее большинство депутатов – либералы. Иногда Президент прочитает охранительную речь где-нибудь на Валдае, так сразу откуда-нибудь из Сочи ему отвечает речью премьер-министр – корректирует в противоположную сторону. Даёт знак старшим товарищам на Западе: “Всё в порядке, у нас либера-

лизм, либерализму ничего не угрожает, а что на Валдае было сказано, – ну, вы же понимаете, для кого и для чего, не маленькие”.

И ведь само то, что нас из-под земли “выпустили”, что нам “разрешили”... О чём это говорит? Не знаю, но вспоминается мне пыльная арена, политая кровью. Товарищи, немногим отличные от меня, в доспехах стоящие против меня с оружием на изготовке. А вокруг трибуны с жирными горожанами, и жёны их бряцают драгоценностями. И все кричат: “Вперёд, гладиаторы!” Но был среди нас один гладиатор, который закончил этот спектакль. Его звали Спартак.

“12” Ежедневное интернет-издание

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ПОЧЕМУ ВЫ ЛИБЕРАЛЫ

Написанный мной текст “Почему я не либерал” вызвал некоторую реакцию.

Помимо сотен возмущенных ответов в соцсетях, мне публично ответили, как минимум, в десяти СМИ более или менее именитые представители либеральной общественности. Не будем углубляться в разбор их (достаточно однообразной и предсказуемой) аргументации. В качестве характерных стоит отметить лишь два момента.

Либеральная общественность в последнее время очень любит говорить, что её “травят” – в том числе, например, и я: путём публикации своей статьи на ресурсе, который проработал к моменту публикации один день. А либеральная общественность в ответ, как мы видим, всего лишь “защищается”, огрызаясь из своего подполья, в качестве которого был явлен, например, едва ли не самый тиражный журнал в России – “Огонёк”, где полноценно отметился Дмитрий Губин со статьей “Почему я либерал”. В итоге статью мою прочитали на сайте десять тысяч человек, а “Огонёк” выходит тиражом 100 000 экз.; но травят, повторяю, всё-таки либералов.

Наконец, часть либеральной общественности имеет устойчивую привычку переводить разговор в плоскость межнациональных отношений: меня, надо сказать, волнующую мало.

Напротив, для самых скудномыслящих моих оппонентов я неоднократно сообщал, что в определяющих нашу сегодняшнюю жизнь знаковых вопросах национальный аспект играет роль малозначительную. Зато имеет значение вопрос экономический, сводящий различия между “либеральной оппозицией” и властью к минимуму.

“Кто же такой этот страшный либерал, которого ты так ругаешь, если он одновременно похож и на власть, и на оппозицию?” – наперебой спрашивали меня мои оппоненты.

Мне казалось, что ответ очевиден, но я заблуждался.

Придётся ещё раз объяснить, что называется, на пальцах.

Либералом в нынешней России является человек, который:

а) выступает за рыночную экономику (писатель Герман Садулаев использует также термин “рыночный фундаментализм”);

б) считает финансовое состояние российской буржуазии в целом легитимным (если формулировать радикальней: выступает не только против пересмотра итогов приватизации, но и против так называемого налога на роскошь);

в) находит слом советской системы, случившийся в 1987–1993 годах, в целом обоснованным, логичным и даже благом для страны.

В этом смысле, как мы видим (или вы по-прежнему не видите?), различия между Борисом Немцовым и Дмитрием Медведевым – минимальны. Может быть, их и вовсе нет.

Подставляйте любые другие, якобы с разных политических полюсов взятые фамилии, – скажем, Алексей Венедиктов и Владимир Соловьёв, – и получите тот же результат: в обоих случаях мы видим перед собой безусловного либерала.

Три этих пункта были определяющими для новейшей буржуазной российской элиты, как финансовой, так и властной: именно с этих позиций фактически одновременно стартовали в постперестроечный период и Владимир Путин, и любой современный либеральный оппозиционный лидер со стажем.

То, что одного судьба привела в Кремль, а других – нет, не более чем издержки внутрицеховой конкуренции: по крайней мере, в том виде, в котором она была создана руками самих либералов путём расстрела Парламента в 1993 году и фальсификации президентских выборов в 1996-м.

Российские либералы, несмотря на ряд финансовых кризисов, периодически происходящих как во всём мире, так и в России, продолжают почти религиозно верить в эту самую “конкуренцию” (по крайней мере, пока она не проезжает по ним самим), в “рынок” как саморегулирующуюся стихию, в “эффективность” и прочую “рентабельность” – буквально как в китов, на которых стоит мир.

Они предпочитают говорить о государстве, чья идеальная модель сводится к функциям “ночного сторожа” (при этом парадоксальным образом либералы ссылаются на скандинавские страны, где государство, спасаясь от стихии рынка, исполняло куда более жёсткие функции, чем сторожевые, – у нас бы их назвали “левыми” и “авторитарными”).

Впрочем, в публичных дискуссиях российские либералы чаще всего уходят от разговора об экономической сущности либерализма, упирая на то, что основная задача либерализма – это поддержание “прозрачности власти”, “честных судов”, “частной собственности”, “свободы печати” и т. п.

Тут выясняется, к примеру, что политик, негативно влияющий на “свободу печати”, автоматически перестаёт быть либералом.

Надо ли понимать, что один из самых почитаемых в либеральной среде блогеров – бывший министр правительства Бориса Ельцина и политический деятель Алик Кох сначала, пока был младореформатором, являлся либералом, потом, когда закрывал НТВ, либералом быть временно перестал, а сегодня опять им стал?

Нет, так не надо понимать, потому что это абсурд.

За год до событий на Болотной автор этих строк был в гостях у Ксении Собчак на радио “Серебряный дождь”, и она там мне в некотором даже раздражении доказывала, что люди, которые находятся у власти, пришли к власти “всерьёз и надолго”, и находила это безусловным благом.

Спустя год она уже выступала на Болотной как бы против этих самых людей...

Значит ли это, что во время программы на радио Ксения Анатольевна не была либералом, а потом стала?

Нет, и это неправда.

Поведение всех этих граждан – суть либеральные разборки, которые отчего-то навязаны стране в качестве повестки дня.

Что до частной собственности, то она была придумана, безусловно, не либералами, а, так или иначе, имела место достаточно давно – ещё, к примеру, в Древней Руси, да и при “советском рабстве” (недавно изобретенное выражение либеральной мыслительницы Юлии Латыниной) тоже. Например, все мои бабушки и дедушки (“советские рабы”) владели в 70-е годы домами и подворьями, на которые никто и никогда ни при каких условиях не претендовал бы, у одного деда было три мотоцикла, у другого – такая большая лодка, что почти уже могла бы именоваться яхтой, все они торговали мясом и молоком, и никто не объяснит, почему из элементарного права на вещь, характерного фактически для любого социального устройства, надо делать исключительно либеральный фетиш.

“Честные суды” и вообще суды как таковые тоже придуманы, естественно, не либералами: в них были заинтересованы граждане как при первобытно-общинном строе, так и при любом другом, и далеко не факт, что либера-

лизм гарантирует в данном случае идеальную судебную работу, по крайней мере, многолетнее лидерство США по количеству заключённых на душу населения заставляет серьёзно задуматься на эту тему.

Дело в том, что экономический либерализм так или иначе принимает как неизбежную составляющую социальное неравенство (иногда подменяя осознание этого факта рассуждениями об “успехе”, “работоспособности” и прочих вещах, поселивших всех обитателей списка журнала *Forbes* на вершину иерархической лестницы). Но там, где имеет место социальное неравенство, никогда не будет по-настоящему честной судебной системы — в этом нужно отдавать себе отчёт. Либеральная общественность очень любит ссылаться на то, как дочку или сына того или иного американского сенатора сажают на 15 суток за езду в пьяном виде с бардачком, полным наркотиков, но крайне редко приходят к нам новости о судах, к примеру, над финансовыми дельцами, периодически обрушивающими экономику суверенных государств.

Существование “прозрачной либеральной власти”, решения которой поддаются здравому анализу, давно и безусловно стало блефом — его просто смешно развенчивать! — тем не менее, ввод войск в Афганистан товарищем Брежневым по сей день рассматривается как вопиющий пример “советского милитаризма”, а ввод войск либеральных держав в любую суверенную страну Азии, Африки, а то и Европы разъясняется в терминах исключительно политических PR-технологий, которые при всей их абсурдности неизбежно принимаются основной массой либеральной общественности за чистую монету.

Многие обращали внимание на то, какую очевидную неприязнь испытывает среднестатистический российский либерал к сталинскому кино, но волшебным образом он, как правило, не имеет ничего против людоедского голливудского лубка: то есть “Кубанские казаки” и “Весёлые ребята” — это ложь и подлость, а тысячи “Крепких орешков” — это просто такая жанровая штука; ею, правда, окучивают уже не отдельно взятый СССР, а целую планету, но это не беда!

Всё это не значит, что российская либеральная общественность всецело доверяет мировому либеральному политическому абсурду, но какие доводы ни приводи, мои оппоненты неизбежно дают понять: пусть этот мир и не совершенен, но мы будем жить в нём, потому что иначе опять начнётся какой-нибудь отвратительный казарменный социализм (“...а это мы уже проходили”, — неизменно заявляет либерал, отчего-то уверенный, что либерализм — это единственный урок, который надо повторять до тошнотворной оскомины, сколько бы дефолтов и войн ни случилось!).

Между тем Россия, если ей суждено выжить, неизбежно пойдёт по пути новой социалистической идеократии — отмены итогов приватизации, полномасштабной индустриализации как государственной программы, вступающей в наглядные противоречия с идеалами “рынка”, построения самодостаточной экономики, выхода из системы мировых финансовых манипуляций и спекуляций, в которые насильственно была втянута наша страна, создания новейшей политической, духовной, научной и военной аристократии взамен аристократии “рыночной” (мы имеем в виду шоу-бизнес) и буржуазно-олигархической (компрадорской по своей сути, ведь если либерализм — это свобода, кто вправе закрепить деньги?).

Если Россия пойдёт по этому пути, либерализм как направление мысли займёт идеально подходящую ему нишу: станет жёстким критиком власти с позиций правозащиты.

В этом смысле либерализм просто необходим России. Но только в этом.

Однако к построению и удержанию такой машины, как российская государственность, и сохранению народов России идеология экономического либерализма оказалась непригодна.

Чем скорее мы отдадим себе в этом отчёт, тем больше у нас шансов на будущее России.

Впрочем, если вы собираетесь встретить своё будущее в другой стране, вы зря читали этот текст.

Зато мы имеем в наличии ещё один пункт, по которому можно с лёгкостью определить, что вы — либерал. Ибо вы, как всегда, свободны.

“12” Ежедневное интернет-издание

АЛЬФРЕД КОХ

Господи! Ну, что он, реально, что ли, считает, что открывает дискуссию? Так я её сразу закрою: антитезой либерализма является не некое современное издание почвенничества вкупе с ностальгией по совку (как он наивно полагает), а само это почвенничество с ностальгией есть всего лишь проявление глупости и/или злонамеренности.

То есть антитезой либерализма на самом деле является эклетичная смесь глупости со злонамеренностью, а не некая самостоятельная стройная система взглядов.

Ещё раз (и последний, для идиотов: повторение не является ни матерью, ни даже мачехой учения) — как не может быть осетрины второй свежести, так не может быть и не-рыночной экономики. Экономика может быть только рыночная и никакая другая.

Все попытки представить экономикой так называемую “плановую экономику”, то есть то убожество и глупость, которые были в совке (и которые, к счастью для него, неведомы не жившему в совке Прилепину!) — это всё пустое.

То была не экономика, а морок и развлечение вождей. Все эти фокусы с бомбой и ракетой (главный и, пожалуй, единственный аргумент прилепичных) имеют такое же отношение к экономике, как кормление голодных парижан би-сквитами по рецепту Марии-Антуанетты.

Или ещё: “плановая экономика” имеет такое же отношение к экономике, как “суверенная демократия” к демократии настоящей.

Прилепин! Зарубите себе на носу: либералы разные потому, что умные. Только идиоты — одинаковые. И требовать от либералов единства взглядов — лишнее доказательство глупости вопрошающего, а не свежести и оригинальности его взглядов.

...А сейчас молодой, подающий надежды писатель Прилепин исполнит на балалайке свой коронный номер “Камаринский мужик”... В сотый раз... Хватит. Сколько можно? Надоел. Исписался. Всё. Езжай в Нижний, радуй там местных.

Facebook

ОТВЕТ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

Ну, наконец-то Альфредыч наш Кох в очередной раз прокричал со своей рубливской дачи, какое я убожество, в числе прочего заявив:

“Ещё раз (и в последний, для идиотов: повторение не является ни матерью, ни даже мачехой учения) — как не может быть осетрины второй свежести, так не может быть и не-рыночной экономики. Экономика может быть только рыночной и никакой другой”.

2. “Все попытки представить экономикой так называемую “плановую экономику”, то есть то убожество и глупость, которые были в совке (и которые, к счастью для него, неведомы не жившему в совке Прилепину!) — это всё пустое. То была не экономика, а морок и развлечение вождей. Все эти фокусы с бомбой и ракетой...” ну, и так далее (впрочем, про фокусы мне особенно нравится!).

3. “Либералы разные”.

Алик, чем ты недоволен, я не пойму. Ты по пунктам повторил мою статью. Либерал — это тот человек, который считает, что существует только рыночная экономика. Либералы разные (одни во власти, другие типа как ты, но живёте, кстати, по соседству). А “совок” был мороком, и его надо было сломать (ну, или он сам сломался — это ведь только либерализм ломают плохие люди, а “совок” — он исключительно сам по себе, это мы в курсе).

Доказывать про вас (и про тебя лично) ничего не надо, ты сам всё доказываешь с присущим тебе блеском (и хамством, кстати).

Претензия, видимо, одна: я описываю вас как-то без должной любви и благодарности, ну, ты ж, с другой стороны, не доллар... Ты — много долларов. А у меня так много любви нет...

Да, и по поводу того, что мне пора валить в свой Нижний. Дорогой Альфред, я и не уезжал отсюда. Сажу тихонько в лесу, тукаю по клавишам, не обращая внимания, пожалуйста. Мы уже по всем пунктам сошлись.